

Взгляды югославских военных аналитиков на ввод советских войск в Афганистан в 1979–1981 гг.

А.Ю. Тимофеев

Белградский университет, Институт новейшей истории Сербии

В статье анализируется отношение югославских военных аналитиков к вводу советских войск в Афганистан в 1979–1981 гг. в течение года с начала активных боевых действий. Афганистан не входил в дипломатические, а тем более в военные приоритеты СФРЮ. После переворота в Афганистане, состоявшегося 27 апреля 1978 г., отношения между двумя странами, ранее чисто формальные, стали прохладными, поскольку Кабул начал склоняться от политики неприсоединения к просоветской ориентации. СФРЮ исходила из статуса Афганистана как неприсоединившейся страны и была крайне обеспокоена советским вмешательством во внутренние дела суверенного государства, что проясняет отношение югославской военной науки к действиям СССР в Афганистане в 1979–1981 гг. Югославские аналитики считали, что эта территория превратится в постоянную проблемную зону для СССР. Анализ взглядов аналитиков Югославской народной армии на уроки афганской войны свидетельствует о примате повседневных политических (и даже пропагандистских) соображений над военной наукой. Несмотря на богатый материал для типологических наблюдений, югославские аналитики не увидели новизны в тактике и применении нового оружия в горной местности. Они пренебрегли анализом тактики антипартизанских действий в горной местности; их прогнозы не были оригинальными; они игнорировали наличие воинствующего фундаментализма как фактора ведения боевых действий.

Ключевые слова: взаимоотношения СССР–СФРЮ, военная дипломатия, противоповстанческие операции, партизанские действия

УДК 94(497.1)+327.54

Поступила в редакцию: 16.12.2022

Принята к публикации: 20.02.2023

Югославия в 1955–1991 гг. вела по отношению к СССР сложную политику балансирования, которая сводилась к попытке сохранить равноудалённость от США и СССР. Такой была позиция Югославии и в ходе событий в Венгрии в 1956 г., и в Чехословакии в 1968 г., и во Вьетнаме в 1960-е – 1970-е гг.¹

Позиция СФРЮ по вопросу о советской политике в Афганистане практически не исследована в российской и иностранной научной литературе. Эту позицию можно рассматривать с применением разных подходов. Естественным видится хронологический подход, в рамках которого можно выделить: ранний период, когда действия СССР подверглись острому осуждению Запада, а их результативность была ещё крайне спорной; период санкционного давления и перехода конфликта в затяжную вялотекущую фазу; период поиска Советским Союзом путей выхода из Афганистана, увенчавшийся выводом войск. Воспоминания об этих событиях оставили многие их участники². Другим подходом для анализа позиции СФРЮ по вопросу о советских действиях в Афганистане было бы разделение общих (практических) и субъективных (локальных) факторов на формирование взглядов официального Белграда.

К общим факторам стоит отнести экономические и политические интересы самой Югославии в отношениях с СССР и США. Показательна в этом отношении динамика развития югославской внешней торговли с середины 70-х гг. XX в. до 1991 г. Напомним, что в 1964 г. Югославия стала ассоциированным членом Совета экономической взаимопомощи. С точки зрения дипломатии, развитие отношений с Европейским сообществом шло параллельно: торговое соглашение 1970 г., соглашение о торговле и сотрудничестве 1980 г. Однако отношения со странами Варшавского Договора развивались намного динамичнее (Timofeev 2012: 101). Доля СССР и других социалистических стран во внешней торговле Югославии в 1981/1982 гг. составляла 38% (в т.ч. 25% СССР), а в 1987 г. доля социалистических стран Восточной Европы, СССР, Кубы и Монголии достигала 41% югославского импорта. В 1990 г. на страны СЭВа направлялось 45% югославского экспорта, тогда как в капиталистические страны Европы – 30% и лишь 5% – в США³. Таким образом, не обнаруживалось тенденции к ослаблению экономических связей Югославии с СССР, несмотря на осуждение введения советских войск в Афганистан.

¹ *Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг.* Т. 1: 1946–1964. Т. 2: 1964–1980. Москва: 2017.

² Громов Б. В. 1994. Ограниченный контингент. Москва; Ляховский А.А. 1995. *Трагедия и доблесть Афгана*. Москва; Майоров А.М. 1996. *Правда об Афганской войне. Свидетельства Главного военного советника*. Москва; Нешумов Ю. А. 2006. *Границы Афганистана: Трагедия и уроки*. Москва.

³ *The World Factbook, Washington (D.C.): Central Intelligence Agency, 1982–1990.*

Субъективная (локальная) составляющая позиции Югославии по вопросу об Афганистане формировалась на основании донесений югославской дипломатии и оценок Генерального штаба, мнение которого было традиционно важным в оценке Белградом внешнеполитических проблем (Вишняков 2012: 90–111). Уникальную возможность детально представить взгляды Генерального штаба Югославской народной армии (ЮНА) на действия советской армии в Афганистане на раннем этапе мы имеем на основании объёмной аналитической записки 1981 г., получившей столь высокий уровень поддержки военного руководства, что она была направлена для ознакомления проходившим переподготовку высшим офицерам.

Тема взаимоотношений СССР и Югославии в контексте Афганской войны в научной литературе не изучена, поскольку документы пока засекречены в Москве и лишь недавно поступили в открытый доступ в Белграде. Представления югославского Генерального штаба о ходе и результатах первого года Афганской войны мы попытаемся сравнить с реальным положением дел, воссоздавая его на основании современной отечественной литературы, в которой доминируют мемуары (Костыря 2009).

Контекст югославско-афганских взаимоотношений до и после 1979 г.

До ввода советских войск Югославия знала об Афганистане очень мало. Первой обширной публикацией на сербохорватском языке об Афганистане стали путевые заметки Ларисы Рейснер, которая посетила Афганистан в 1921 г. вместе с мужем Ф. Раскольниковым – главой советской делегации, прибывшей с целью установления межгосударственных отношений. А те в ту пору были весьма интенсивными: в 1919 г. Афганистан провозгласил независимость от Великобритании, и первым государством, признавшим его суверенитет и подписавшим договор с первым монархом независимого Афганистана Амануллой-ханом, стала Советская Россия. Когда в 1929 г. в результате государственного переворота он утратил престол, СССР предпринял безуспешную военную операцию, дабы вернуть своего союзника к власти в Кабуле. Советские войска проводили операции на территории Афганистана против представлявших угрозу для безопасности СССР группировок и в 1930 г. Вскоре после этих событий в Югославии был опубликован перевод объёмной книги Л. Рейснер (245 страниц)⁴.

Следующие публикации относились уже к периоду социалистической Югославии. Имеется в виду справочник (73 страницы), изданный Институтом международной политики и экономики, дабы восполнить полное отсутствие информации об этом отдалённом участке земного шара. Упоминания также за-

⁴ Рейснер Л.М. 1925. *Афганистан*. Москва; Reissner L. 1935. *Iz zemlje Amanullaha*. Zagreb: Binoza – Svjetski pisci.

служивают две небольшие брошюры: напечатанная научно-популярным издательством «Седьмая сила» (64 страницы) и вышедшая «в помощь пропагандисту» в серии «Неприсоединение и неприсоединившиеся» (29 страниц)⁵.

Очевидно, Афганистан не относился к числу дипломатических и, тем более, военных приоритетов СФРЮ вплоть до ввода советских войск 27 декабря 1979 г. в результате операции «Шторм-333» – штурма спецназом КГБ дворца президента Амина. Тот сверг и убил своего предшественника, в результате чего в Москве было принято решение о необходимости вооружённого вмешательства. Советские войска входили в Афганистан с декабря 1979 г. по февраль 1980 г., размещаясь в гарнизонах по всей стране. Боевые действия против исламских фундаменталистов, пользовавшихся поддержкой Пакистана, США, Китая и ряда ближневосточных мусульманских государств, начались в марте 1980 г. и продолжались до апреля 1985 г., когда ситуация стабилизировалась. К январю 1987 г. советские войска снизили свою активность, хотя операции советской авиации, артиллерии и специальных подразделений по поддержке самостоятельных действий афганских вооружённых сил не прекращались. С января 1987 г. по февраль 1989 г. СССР вёл подготовку к выводу войск из Афганистана, пытаясь при этом укрепить авторитет и стабильность местного правительства. После ухода советских сил Республика Афганистан просуществовала до 1992 г., хотя крах её был предопределён уже в 1990 г., когда Москва прекратила оказывать военную и экономическую помощь режиму М. Наджибуллы (Grau, Gress 2002).

Дипломатические отношения между ФНРЮ и Королевством Афганистан были установлены в 1950-е гг., когда формулировалась концепция неприсоединения. Имевшие место контакты между двумя государствами нельзя назвать интенсивными. Показательно, что авторитетный премьер и будущий президент М. Дауд в ходе своего турне по Восточной Европе, состоявшегося в 1957 г., отказался посещать Югославию (в отличие от Польши и Чехословакии). По мнению афганского лидера, ловко балансировавшего между Вашингтоном и Москвой, следовало избегать непредсказуемого Белграда⁶.

Визиты на высоком уровне – короля Захира в Югославию в 1960 г. и Й. Броза Тито в Афганистан в 1968 г. – активизировали двусторонние отношения. Однако, несмотря на обширные планы и обещания, озвученные руководителями двух отдалённых друг от друга стран, соглашение между президентом Тито и королём Захиром не привело к серьёзному экономическому сотрудничеству⁷. В Белграде переворот 1973 г. восприняли со спокойствием, а югославские дипломаты оптимистично оценивали перспективы нового правительства

⁵ Kraljić J. 1961. *Avganistan*. Beograd; Milin V. 1965. *Probuđeni Avganistan*. Beograd; Jovanović M. 1976. *Republika Avganistan*. Beograd.

⁶ *Архив Југославије (АЈ)*. Фонд 837 (Кабинет председника Републике). Фасцикла I-3а. Архивска јединица 7-18.

⁷ АЈ. 837. I-2/37-1.

М. Дауда, которое Югославия признала одной из первых. Межгосударственные контакты интенсифицировались уже после 1975 г., когда заместитель главы МИД Афганистана В. Абдулла прибыл с визитом в Белград, где его принял тогдашний председатель Союзного исполнительного вече Д. Бедич. С дипломатической учтивостью стороны уведомили друг друга о своей твёрдой приверженности политике нейтралитета. С ответным визитом в 1976 г. в Кабул прибыл зампред вече Милош Минич, встретившийся с В. Абдуллой⁸. Географическая отдалённость и экономическая слабость обоих государств (прежде всего, Афганистана с его едва ли не натуральным хозяйством), вопреки доброй воле их лидеров, обусловили невозможность реальных взаимовыгодных отношений. После нового переворота в Афганистане, состоявшегося 27 апреля 1978 г., отношения между двумя странами охладели, поскольку, несмотря на публичные заявления новых афганских руководителей, страна начала склоняться от неприсоединения к просоветской ориентации.

Новая информация от афганской стороны выглядела хаотично. 28 июля 1978 г. член президиума ЦК СКЮ М. Минич в ходе встречи с генеральным секретарём Народной демократической партии Афганистана Х. Амином выслушал заверения в том, что ситуация в стране стабильна, а также что Афганистан сохранит приверженность Движению неприсоединения. В сентябре 1978 г. посол Демократической республики Афганистан в СФРЮ А. Ратембзад провела ряд встреч с югославскими партийными и государственными руководителями, жаловалась на репрессии в своей стране и просила предоставить убежище ей и её семье⁹. Югославские дипломаты отреагировали на эти просьбы осторожно, указав, что СФРЮ не желает ставить под угрозу дипломатические отношения. Нестабильность, мятежи в армии и волнения в отдалённых районах стали обычным явлением в Афганистане, который вопреки рекомендациям Москвы предпринимал разные левацкие эксперименты. В конце 1979 г. югославское посольство в Кабуле сообщило, что Амин утратил доверие как своего народа, так и союзников в лице СССР¹⁰.

После ввода советских войск отношения Кабула с Белградом пыталась выправить бывший посол А. Ратембзад, вернувшаяся в страну из вынужденной политической эмиграции. Эта эмансипированная афганка, происходившая из влиятельной пуштунской семьи, была личным другом и советником Б. Кармалы – первого человека в НДПА в 1979–1986 гг., так что высшие советские офицеры называли её за глаза «Надеждой Крупской»¹¹. Однако югославское руководство не верило её утверждениям, будто ликвидированный Х. Амин состоял

⁸ АЖ. 837. I-5-B/7-3.

⁹ АЖ. Ф. 507 (Савез комуниста Југославије). IX. 7/5.

¹⁰ АЖ. 837. I-5-B/7-3.

¹¹ Майоров А.М. 1996. *Правда об Афганской войне. Свидетельства Главного военного советника*. Москва. С. 85–91.

агентом на службе у США, а его левый уклонизм должен был подготовить почву для исламистского мятежа и раздела страны между Пакистаном и Ираном¹². Тщетно этот новый член Политбюро НДПА в своих письменных обращениях к партийному руководству СФРЮ подчёркивала революционный характер нового правительства¹³.

В первые дни после ввода войск советский посол в Югославии Н.Н. Родионов в ходе встреч с председателем СИБ В. Джурановичем и заместителем главы союзного секретариата М. Пешичем также пытался объяснить причины действий Кремля. Однако Югославия исходила из статуса Афганистана как страны-члена Движения неприсоединения и выражала озабоченность вмешательством во внутренние дела этого суверенного государства¹⁴.

Страны третьего мира по-разному отнеслись к вводу советских войск. В то время как просоветские государства (Вьетнам, Ангола, Куба) и Индия (из-за вражды с Пакистаном) приняли его, против выступило большинство консервативных мусульманских государств. Разумеется, ввод советских войск осудили США и Китай. По афганской проблеме СФРЮ фактически солидаризировалась с США, что напрямую проявилось в ходе переговоров югославского посла в Вашингтоне Б. Лончара (1979–1983) с госсекретарём С. Венсом, который высоко отозвался о принципиальности и жёсткости югославской позиции, «ставшей неожиданностью для Советов». После этого американская сторона стала снабжать югославов информацией об операциях и перемещениях советских войск¹⁵.

События в Афганистане вызвали раскол не только в международном коммунистическом движении (между еврокоммунистами и ревизионистами, с одной стороны, и просоветскими силами, с другой), среди неприсоединившихся стран, а также между двумя блоками государств, но и внутри югославского общества. В аппарате ЦК СКЮ с тревогой отмечали, что часть членов партии придерживается «догматической позиции», т.е. тайно поддерживает советскую политику¹⁶. В этих условиях была развёрнута пропагандистская кампания, призванная убедить общественность в правильности позиций руководства страны и одновременно заверить внешних наблюдателей в твёрдости внешнеполитической линии СФРЮ.

В 1980–1981 гг. югославская пресса занимала ярко выраженную одностороннюю позицию по отношению к событиям в Афганистане: неудачливым и жестоким советским оккупантам, а также горстке примкнувших к ним коллаборационистов противостояли отважные борцы за свободу. Самую детальную информацию (почерпнутую из западных источников) поставляли журналисты,

¹² AJ. 507. IX. 7/7.

¹³ AJ. 507. IX. 7/6.

¹⁴ AJ. 837. I. 5-B/99-31.

¹⁵ AJ. 837. I. 5-B/104-24.

¹⁶ AJ. 507. IX. S/A-337.

объединившиеся вокруг редакции журнала «НИН». Тон задавали корреспонденты из Хорватии и Словении (например, Н. Брикси и Ю. Густинчич), которые непосредственно ретранслировали позицию США¹⁷. Бросалось в глаза, что эти люди эмоционально разделяли озвучиваемые ими утверждения. Неслучайно среди авторов, восхвалявших афганских моджахедов, оказалось немало тех, кто позднее, во время конфликта на территории бывшей СФРЮ (а особенно в Боснии) встал на сторону исламских фундаменталистов и активно критиковал сербские власти. Сложно не заподозрить, что речь шла не о симпатиях к мусульманам, а в последовательной проамериканской позиции. Например, М. Кларина в начале войны в Югославии прозвали «журналистом, инициировавшим новый Нюрнберг», потому что, будучи корреспондентом газеты «Борба» в Брюсселе, он выступал за создание международного суда по преступлениям в Югославии (для суда над Белградом и его ставленниками), превратившись в итоге в старейшину гаагской журналистики¹⁸. Не меньшую активность проявлял В. Радоман, один из основателей международных организаций «Врачи без границ» и «Врачи мира», которые также занимали недвусмысленную позицию в отношении конфликтов на Балканах в 1990-е гг.¹⁹

Помимо публикаций этих активно антисоветских журналистов югославские СМИ перепечатывали очевидно пристрастные статьи западных журналистов²⁰. Подобное освещение событий должно было не только повлиять на население страны, но и послать ясный сигнал иностранным наблюдателям. Привела ли описанная медийная кампания к каким-либо позитивным последствиям, сказать непросто. Негативные последствия очевидны: спустя два десятилетия экспертное сообщество, консультировавшее центры принятия решений в Москве, не забыло поведение югославских СМИ, что не могло не повлиять, по крайней мере, подсознательно, на их позицию²¹.

Поскольку Югославия не имела существенных экономических или политических связей с Кабулом, острота, с которой её пресса освещала события, определялась состоянием отношений Белграда с Москвой и Вашингтоном. Эта тема уже получила историографическое освещение (Jakovina 2011). В то же время нельзя не отметить, что, несмотря на энергичную критику советских действий в Афганистане, СФРЮ не присоединилась к союзникам США, наложившим на СССР санкции, участвовала в Олимпиаде 1980 г. и в попытках преодоления американского эмбарго при строительстве в 1981–1983 гг. газопровода Уренгой–Помары–Ужгород.

¹⁷ Брикси Н. Свети рат против странаца. *НИН*. 20.01.1980. С. 41-43; Густинчић Ј. Већина је неподмитљива. *НИН*. 20. 01.1980. С. 44-45.

¹⁸ Кларин М. Побуна у Кабулу. *НИН*. 2. 03.1980. С. 42-43.

¹⁹ Радоман В. Рањеници умиру у планинама.. 9.03.1980. С. 42-43.

²⁰ Рат без заробљеника. *НИН*. 27.04.1980. С. 59-60.

²¹ Решетников Л.П. 2021. *В тени и на свету: линия жизни разведчика*. Москва. С. 140-165.

Партизанские и антипартизанские операции в югославской военной науке

Для того, чтобы понять отношение аналитиков Генерального штаба Югославской народной армии к Афганской войне, стоит рассмотреть его в общем контексте отношения югославской военной науки к партизанским и антипартизанским операциям. Социалистические государства располагали преимущественно опытом партизанской борьбы, в то время как антипартизанские действия были им малознакомы – лишь СССР имел опыт подобных операций. Кроме подавления повстанчества в первые годы после Гражданской войны, такие действия велись в 20–30-х гг. в Средней Азии, где советским войскам приходилось сражаться с басмачами в пустынной и горной местности²². Подавление антикоммунистического партизанского движения в первые послевоенные годы в Прибалтике и на Западной Украине также обогатило имевшийся опыт²³. Однако в послевоенные годы речь шла о лесных и горнолесных районах, причём местное население отличалось отсутствием разветвленной родовой структуры и большей степенью индивидуализма, что умаляло ценность такого опыта применительно к афганскому очагу партизанской активности. Вооружение противоборствующих сторон в 1920–1940-е гг. кардинально отличалось от рубежа 1970–1980-х гг. Повстанцы 1920–1940-х гг. в основном имели лёгкое стрелковое вооружение, редко применяли миномёты и крупнокалиберные пулемёты и лишь в исключительных случаях – горную артиллерию (Statiev 2010). Поэтому повстанцы 1920–1940-х гг. не могли выстоять против бронетехники и самолётов. Поддержка авиацией партизанских отрядов находилась в зачаточном состоянии²⁴. С другой стороны, иной техникой располагали и силы, боровшиеся с повстанцами в 1920–1940-х гг. Тогда ещё было вертолётов, мало применялась авиация, редко боевые действия координировались посредством радиосвязи (Шитько 2007). Советская наука занималась обобщением опыта противопартизанских операций в гористых и пустынных районах Средней Азии, однако эти труды в 1980-е гг. имели скорее научно-историческое, чем прикладное значение (Зевелев, Поляков, Чугунов 1981; Nourzhanov 2015: 177–189)²⁵.

²² *Сборник указаний по борьбе с басмачеством*. 1924. Ташкент; *Материалы по истории ферганского басмачества и боевых операций в Бухаре*. 1924. Москва; *Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии*. 1917–1920 гг. 1957. Документы и материалы. Фрунзе; Каканбаев А. 1958. *Борьба с басмачеством и упрочение Советской власти в Фергане*. Ташкент.

²³ *НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооружённым националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике*. 1939–1956. 2008. Сборник документов. Москва.

²⁴ Яцук Н.А. 1921. *Помощь авиации действиям партизан*. Москва.

²⁵ *Боевые действия в горах*. 1940. Москва.

Аналогичным образом югославский опыт опирался в основном на партизанские действия Народно-освободительной армии Югославии в годы Второй мировой войны при незначительном обогащении послевоенными операциями, покрытыми туманом секретности по политическим соображениям. Опыт партизанской войны югославских коммунистов имел глубокие корни (Timofejev, Živanović 2018). В 1941–1945 гг. Коммунистической партии Югославии удалось развязать, вести, а затем и победить в наиболее масштабной и интенсивной партизанской войне на всей территории оккупированной нацистами Европы (Schmider 2002). Этот опыт прославлялся и превратился в общенациональный нарратив, от которого трудно было делать отступления с момента его кодификации в конце 1950-х гг. (Strugar 1962).

В первые послевоенные годы доктрина партизанской войны не получила выраженного развития в Югославии, партийное руководство которой сосредоточило усилия на строительстве регулярной армии. В «Уставе военной службы», опубликованном в 1945 г., партизанские действия описаны весьма скупо, однако всё же уже упомянуты, в отличие от обычной практики того времени²⁶. Во «Временном боевом уставе пехоты» (1947) кроме различных вариантов наступательных, встречных и оборонительных действий не предусматривалось применение частей в тылу противника на временно оккупированных им территориях или иные формы партизанских операций²⁷. Однако в 1948–1953 гг. Югославия неожиданно оказалась в том положении (как и СССР в 20-е годы XX в.), когда партизанский способ ведения войны стал считаться важным средством сдерживания противника, обладающего численным и техническим превосходством (Животић 2022: 107–128). Большой вопрос, насколько эффективным на самом деле было это средство в начале 1950-х гг., или оно только казалось таковым сторонним наблюдателям²⁸. Во всяком случае, высшие функционеры ФНРЮ на него всерьёз рассчитывали. И.Б. Тито 26 декабря 1950 г. перечислил меры, которые ФНРЮ готовилась предпринять в случае агрессии со стороны СССР. На первом этапе войны предполагалась упорная оборона с комбинированным ведением боевых действий регулярными и партизанскими частями. Второй этап предусматривал отступление, вывод основных сил и молодёжи на зарубежные базы с целью реорганизации и подготовки к третьему этапу, а также продолжение партизанской войны в Югославии силами не более чем 100–150 тыс. бойцов. Третий этап – попытка вернуться в страну с возобновлением комбинированных военных действий. План получил одобрение и политического руководства

²⁶ *Ratna služba*. 1945. Beograd.

²⁷ *Privremeno pešadijsko borbena pravilo*. II deo. Bataljon, puk. Beograd: 1947.

²⁸ Jakšić P. *Nad uspomenu. Knjiga 2*. Beograd-Ljubljana: 1990. S. 53; *Dokumenti CIA o Jugoslaviji 1948–1983*. Beograd: 2009. S. 59.

ЦК КПЮ и Генерального штаба Югославской народной армии²⁹. О формировании Верховного командования партизанских частей писал в мемуарах С. Вукманович-Темпо, поставленный во главе этой новообразованной организации в 1949 г.³⁰.

В югославской военной литературе представления о партизанских операциях начали формироваться в 1950-е гг. Результаты усилий в этом направлении стали заметны с середины десятилетия, то есть после нормализации югославо-советских отношений, когда прикладное значение партизанской подготовки во многом утратило актуальность. До того времени имелись лишь малочисленные печатные материалы для повышения квалификации отобранных пехотных офицеров³¹. Тогда же в учебных пособиях по решению тактических задач партизанские операции стали квалифицироваться как обязательные, хотя и наименее важные, темы для отработки. Партизанский способ ведения войны определялся как «вооружённая борьба народа против оккупантов и их пособников... на части или на всей территории в опоре на поддержку населения этой территории», то есть в значительной мере в политическом ключе. Не случайно первой задачей, которую предполагалось решить посредством партизанских действий, было «политическое воздействие на волю к сопротивлению народных масс оккупированной территории»³². В многочисленных учебниках для средней школы и вузов по начальной военной подготовке, опубликованных в 1950-е гг., партизанский способ ведения военных действий не рассматривался. Не упоминался он и в газете «Начальная военная подготовка», издававшейся для педагогического состава ФНРЮ. В тот момент только формировалась концепция партизанской войны, широкое применение которой в военно-учебном процессе было ещё впереди.

Отражение ориентации на партизанское ведение войны мы встречаем в югославской военной науке начиная во второй половины 1950-х гг., то есть не в период конфликта с СССР и фактического военного союза с Западом, а в то время, когда Югославия заняла позицию осторожного нейтралитета в отношении двух противоборствующих блоков (Петровић 2016). В плане стратегии перелом произошёл в 1958 г. с принятием «Доктрины общенародной войны»³³. 21 июля 1959 г. Верховный главнокомандующий ВС ФНРЮ маршал Тито издал первое «Наставление по применению и боевым действиям партизанских, территориальных и диверсионных формирований», которое разъясняло основные элементы ведения партизанской войны в рамках оборонительных планов ФНРЮ и послужило основой для распространения этой концепции³⁴. Ф. Туджман,

²⁹ *Титов дневник*. Београд: 2009. С. 65–66.

³⁰ Vukmanović Tempo S. *Revolucija koja teče*. Knjiga 2. Београд: 1971. С. 98–116.

³¹ *Dejstva partizanskih jedinica - partizanskih brigada*. Београд: 1952.

³² *Partizanska dejstva. Rešavanje taktičkih zadataka*. Београд: 1956. С. 262–267.

³³ Vučinić M., Nikezić I., Todorović B. *Koncepcija, doktrina i sistem opštenarodne odbrane*. Београд: 1989. С. 183.

³⁴ *Uputstvo o upotrebi i borbenim dejstvima partizanskih, teritorijalnih i diverzantskih jedinica*. Београд: 1959.

в своём обширном труде «Война против войны» проанализировавший историю и традиции партизанских операций прошлого, ставил целью прийти к выводам, полезным для дальнейшего развития партизанской тактики и стратегии³⁵. Разработке концепции современных партизанских операций оборонительной направленности посвящены два издания «Военного дела», которые впоследствии выдержали несколько переизданий и доработок³⁶. Ведение партизанских действий было включено в программу начальной военной подготовки (с особым упором на засады, рейды, диверсии и борьбу с пятой колонной), о чём свидетельствуют учебный план и программа НВП за 1963 г.³⁷. После ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию резко выросла роль территориальной обороны как одного из элементов системы народной обороны и вооружённых сил СФРЮ³⁸.

В 1970-е гг. появилось значительное количество работ и монографий по различным аспектам партизанской войны, основанных преимущественно на опыте Народно-освободительной войны. В свет вышли многочисленные аннотированные библиографии³⁹. Показателем повышенного интереса к партизанскому опыту прошлого и настоящего служат две библиографии: изданная в середине 1970-х гг. аннотированная библиография объёмом почти тысячу страниц; библиография 1989 г., которая касается только Сербии, и насчитывает 8 997 наименований (Smolović 1974; Panajotović 1989).

Югославская военная наука не могла обойти вниманием боевые действия советских войск в Афганистане против вооружённой оппозиции. Западных и нейтральных исследователей интересовала прежде всего тактика советских войск, а исследования, посвящённые партизанскому способу ведения военных действий, появлялись редко (Grau 1996; Jalali, Grau 1995; Etschmann 2003).

Оценки начального этапа действий советских войск в Афганистане югославскими военными аналитиками

На Кафедре стратегии Школы народной обороны Центра высших военно-учебных заведений ЮНА «Маршал Тито» уже в 1981 г. вышла публикация «Военная интервенция СССР в Афганистане»⁴⁰. Перед глазами её авторы имели пример успешного аналогичного исследования, которое в 1975 г. вышло из-под

³⁵ Tuđman F. 1957. *Rat protiv rata. Partizanski rat u prošlosti i budućnosti*. Zagreb.

³⁶ Tanasković R. 1961. *Pitanja partizanskog ratovanja*. Beograd; Kleut P. 1960. *Partizanska taktika i organizacija*. Beograd.

³⁷ *Predvojnička obuka*. Udžbenik za učenike škola drugog stupnja. Beograd: 1964.

³⁸ Živković M. 1986. *Teritorijalna odbrana*. Beograd. S. 277.

³⁹ *Partizanska dejstva i ograničeni ratovi. Tematska referativna bibliografija*. Beograd: 1972; *O gerilskoj tradiciji naroda i narodnosti Jugoslavije. Vazniji narodni ustanci od XVI veka do Drugog svetskog rata*. Beograd: 1976; *Partizanska dejstva*. Tematska bibliografija. Beograd: 1979; *Partizanska taktika ratovanja*. Tematska bibliografska informacija. Beograd: 1980.

⁴⁰ *Vojna intervencija SSSR-a u Avganistanu*. Beograd: 1981.

пера рабочей группы 2-го управления Генерального штаба ЮНА и было посвящено Вьетнамской войне 1954–1975 гг.⁴¹. Другой отправной точкой исследователей могло стать новое «Наставление по ведению партизанских действий», вступившее в силу 6 января 1981 г. взамен вышеупомянутого старого (первого в ЮНА) «Наставления по применению и боевым действиям партизанских, территориальных и диверсионных отрядов» от 1959 г.⁴².

Первые страницы аналитического материала предлагают читателю краткое введение, в котором подчёркнуто значение рассматриваемой темы. По словам авторов, состоялось «первое советское военное вторжение в государство, не являвшееся членом Варшавского договора»⁴³. Акцентируется скорость подготовки и выполнения операции, описан международный баланс сил в регионе, очерчены интересы неприсоединившихся стран. Геостратегическая характеристика Афганистана представлена в контексте Среднего Востока, что весьма показательно. Собственно термин «Средний Восток» (куда входят территории от Ближнего Востока до Средней Азии, создающие барьер на сухопутном пути к жемчужине британской короны – Индии) относится к числу «маркерных» названий, как, например, термин *Mitteleuropa* отражает германское видение соответствующего региона (Brechtfeld 1996). Термин «Средний Восток», наряду с «Ближним Востоком», происходит из британской колониальной терминологии XIX в. В начале XX в. он получил распространение в США и вытеснил «Ближний Восток» из английского языка после Первой мировой войны (Adelson 1995). Описание югославскими специалистами специфики Среднего Востока основано на многочисленных стереотипах. Ему не хватает основательности уже потому, что авторы исходили из идеологических установок, а не реальных сведений, даже если те имели открытый характер. Например, сказано, что в регионе сосредоточено 58% мировых запасов нефти, а «СССР очень заинтересован в запасах нефти на Среднем Востоке, а также в получении её по низкой цене, учитывая высокие затраты при эксплуатации собственных месторождений и постоянно растущее потребление»⁴⁴. Трудно сказать, почему авторы проигнорировали факты, известные в СФРЮ, ведь значительная доля импорта страны обеспечивалась советским энергетическим комплексом с начала 1980-х гг. Колоссальная промышленность Советского Союза была крупным потребителем энергии, однако наличие больших энергоресурсов позволяло их экспорт. С конца 1960-х – начала 1970-х гг. нефть поступала из Западной Сибири в количествах, достаточных для внутреннего потребления и экспорта. Газовая отрасль в конце 1970-х — начале 1980-х гг., по мнению современных западных исследовате-

⁴¹ *Rat u Vijetnamu*. Beograd: 1975.

⁴² *Uputstvo o partizanskim dejstvima*. Beograd: 1981.

⁴³ *Vojna intervencija*. S. 2.

⁴⁴ *Vojna intervencija*. S. 2.

лей, стала важным элементом внешней политики СССР, с которым считалось большинство стран Центральной и Юго-Восточной Европы. (Petrovic 2016). На Ближнем Востоке основным партнёром СССР в тот период была Сирия, небольших месторождений которой хватало для внутреннего потребления и незначительного экспорта. Афганистан в 1967–1989 гг. экспортировал углеводороды (в основном газ), но после 1979 г. их добыча снизилась, что свидетельствует об отсутствии заинтересованности СССР в эксплуатации афганских месторождений (логистические проблемы не позволили даже американцам вести добычу нефти и газа в стране в XXI в.) (Васиф Эль-Юсеф 1993; Аминулла 1992).

Авторы текста серьёзно проанализировали возможности потенциального вторжения с территории Афганистана в Иран, Пакистан и Индию, полностью проигнорировав, что и северные границы ДРА открывали путь к вторжению в СССР. После падения левацкого правительства в Афганистане к власти могли прийти члены исламистских группировок. В этом случае труднодоступные и малонаселённые участки советской границы стали бы уязвимы. Ранее наиболее сложными участками считались границы с недружественными исламскими государствами: сухопутная часть советско-турецкой (около 600 км) и советско-иранской границы (более 1700 км). В новых условиях более двух тысяч километров советско-афганской границы могли в одночасье удвоить критическую зону – это соображение югославские аналитики игнорировали.

Вторая часть секретной разработки генштабистов ЮНА, посвящённая «политическим, экономическим и военным отношениям между Афганистаном и СССР», также носила односторонний и малоинформативный характер. Не было сказано о вступлении советских войск на территорию Афганистана в 1929 и 1930 гг. Свержение монархии и приход к власти М. Дауда названы советской аферой, а «Халк» – умеренным крылом НДПА, что противоречило взглядам объективных исследователей (Barfield 2010). Несколько раз как о реальном факте написано о «ракетных позициях советских войск в Афганистане», которые якобы представляли угрозу для «территорий базирования ВМФ в Индийском океане и Персидском заливе»⁴⁵. Между тем, если принять во внимание фактическое состояние афганской транспортной сети, а также потребности СССР, нельзя не прийти к выводу о нецелесообразности и невозможности переброски в страну стратегического ракетного вооружения дальностью более 500 км. Из ракет, которые Москва разместила в Афганистане, наиболее мощными были оперативно-тактические комплексы Р-17 (по классификации НАТО – Scud-B), которые появились там под конец войны для прикрытия операций по выводу войск⁴⁶. Таким образом, вновь бросается в глаза или пропагандистский подход,

⁴⁵ Vojna intervencija. S. 25.

⁴⁶ Преснов А.И. Организация ракетно-технического обеспечения боевых действий в Республике Афганистан. *Военно-исторический журнал*. 2018 № 3.

или непреднамеренные ошибки, которые наложили отпечаток на материал под грифом «совершенно секретно».

Невероятно, но в аналитическом материале ЮНА, известной своей чувствительностью к национальному вопросу, почти ничего не говорится об этническом происхождении местных племён, о пуштунах как главенствующем народе, о Пуштунистане в Пакистане. Проигнорированы также проживающие на севере Афганистана этнические меньшинства, близкие народам СССР, что могло способствовать распространению воинствующего ислама из Афганистана, поскольку население Таджикистана, Туркмении и Узбекистана этнически близко группам в афганском приграничье. При описании целей СССР в качестве первостепенного «стратегического приоритета» упоминалась «ликвидация внеблоковой буферной зоны»⁴⁷, что отражает принципиальное непонимание авторами внешнеполитического курса послевоенного СССР – его политика как раз имела целью создание и расширение нейтральных буферных зон вокруг собственных сфер влияния и границ в Финляндии, в Австрии и де-факто в СФРЮ. Все советские инвестиции в Афганистан рассматривались исключительно в контексте подготовки к оккупации страны, которая прослеживалась якобы с 1950 г. Таким образом, и в этих главах информированность читателей, то есть офицеров, допущенных к секретным материалам, оказалась принесена в жертву интересам пропаганды, для которой хватило бы и передовицы в армейской многотиражке «Народная армия».

Глава, посвящённая подготовке советских сил, основана на далёких от истины предположениях. Например, утверждалось, что планы ввода войск Министерство обороны разрабатывало уже в середине 1979 г., а отвечал за них заместитель министра маршал С.Л. Соколов, которому будто бы помогал генерал армии И.Г. Павловский, посетивший Афганистан в августе–ноябре 1979 г.⁴⁸. В действительности маршал Соколов возглавлял оперативную группу Министерства обороны в Афганистане, а планированием ввода вооружённого контингента занимался заместитель начальника Генерального штаба ВС СССР генерал С.Ф. Ахромеев⁴⁹. В течение всей войны он осуществлял планирование военных операций в Афганистане, в том числе вывод войск. За непосредственную подготовку захвата власти и нейтрализацию (с вероятной ликвидацией) Х. Амина отвечал КГБ СССР. Только позже в дело вступила армия – 13 декабря 1979 г., когда была сформирована оперативная группа Министерства обороны СССР во главе с генералом С.Ф. Ахромеевым. Что касается упомянутого в тексте генерала И.Г. Павловского, то он не только не участвовал в подготовке ввода советских войск в Афганистан, но и выступал резко против этих пла-

⁴⁷ *Vojna intervencija*. S. 22.

⁴⁸ *Ibid.* S. 26.

⁴⁹ Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. 1992. *Глазами маршала и дипломата*. Москва.

нов. В Кабуле он успел побывать, так как сам Х. Амин многократно обращался с просьбой к Советскому Союзу прислать войска. По возвращении, в докладе министру обороны Д. Ф. Устинову и начальнику Генштаба Н.В. Огаркову Павловский дал негативную оценку потенциальному применению советских войск в Афганистане. Поэтому Сухопутные силы ВС СССР, командующим которых был И.Г. Павловский, на начальном этапе вообще не участвовали в разработке вышеупомянутых планов, а сам он вскоре потерял свою должность. Советские генералы выступали против вторжения, решение о котором принималось под давлением КГБ и лично Ю.В. Андропова, воздействовавшего в этом смысле на министра обороны Устинова и комиссию ЦК КПСС по Афганистану⁵⁰. Именно Ю.В. Андропова, который при больном Л.И. Брежневем концентрировал в руках всё больше власти, можно считать главным инициатором всей кампании⁵¹.

Любопытно, что использование «торгового флота с целью усиления присутствия СССР в Индийском океане» в рамках подготовки к вводу войск не ускользнуло от авторов рассматриваемого документа, но им не пришло в голову, что КГБ мог сыграть существенную роль в проведении операций. По сути, имела место попытка создать картину на основе приблизительной информации (необходимой для решения повседневных оперативных задач), которая не оговаривалась осторожными формулировками («допустим», «вероятно», «повидимому»), создавая у читателя ошибочное представление. Частица «якобы» относится к единственной точной информации, имевшей большое значение: «[Сформирована – А.Т.] якобы одна бригада специального назначения в форме афганской армии для проведения диверсионных и антипартизанских операций, составленная из представителей мусульманских национальностей»⁵². В данном случае речь шла о первом из «мусульманских батальонов», сформированных Генштабом из представителей среднеазиатских народов, служивших в ВДВ и спецназе.

Менее политизирована глава, посвящённая непосредственно вводу войск. Можно предположить, что в её основу легли американские источники, так как текст насыщен англицизмами. Захват Кабула описан со множеством фактических ошибок, что неудивительно, если принять во внимание дефицит достоверной информации. Первую скрипку в операции (нейтрализация лидера и перекрытие информационных каналов) сыграла не армия, а КГБ. Операцию «Штурм-333» (рейд в Кабул и захват крепости Тадж-бек, где укрывался Х. Амин) выполнили группы спецназа КГБ («Зенит» и «Гром»), а также «мусульманский батальон», в то время как десантникам отводилась вспомогательная роль. Они блокировали авиацию и ПВО, чтобы обезопасить прибытие основных сил в

⁵⁰ Павловский И.Г. Семь доводов против. *Родина*. 2000. № 3.

⁵¹ Майоров А.М. Указ. соч. С. 9.

⁵² *Vojna intervencija*. S. 30.

Кабул (Козлов 2013). Интересно, что в этой главе авторы подчёркивают «способность советских вооружённых сил быстро адаптировать организационно-штатную структуру и тактику применения к новым условиям... быстро заменять неподходящие части более подходящими и переходить» от одной тактики к другой⁵³. Такого рода комплиментарная оценка советской военной машины была далека от стереотипных югославских представлений о советской армии и скорее соответствовала взглядам некоторых американских аналитиков, очарованных мощью главного противника (Glantz 1984: 148–163). Фактические оценки этого раздела, несмотря на ряд неверных допущений, свидетельствуют о высокой информированности о действиях частей и соединений в полевых условиях. Номера частей и направления передвижения войск на этом участке, видимо, стали плодом интенсивной работы американских и союзных служб радиоэлектронной разведки в Пакистане, Турции и на кораблях в Индийском океане⁵⁴. Однако и здесь не обошлось без ошибки. Как всегда случается, преувеличены потери противника. Например, утверждалось, что на момент завершения работы над текстом советские войска потеряли 90 вертолётов Ми-24Д⁵⁵ – между тем по архивным данным СССР в 1979–1981 гг. потерял 52 вертолёт, из них 16 вертолётов Ми-24 во всех модификациях, в т.ч. семь в модернизированной ударной модификации Ми-24Д⁵⁶.

Самой лапидарной оказалась глава «Соппротивление советской военной интервенции», что также говорит о происхождении информации, использовавшейся при написании текста. Например, в схожем по тематике исследовании о Вьетнаме описание действий формирований Вьетконга было несравнимо детальнее⁵⁷. В этой главе вновь отметим огромное преувеличение советских потерь. Например, количество погибших – 10 тысяч человек (при этом осторожно указано, что это «оценки повстанцев»)⁵⁸. Общее число погибших в Афганистане, установленное с использованием архивных данных, составило 14 427 погибших военнослужащих за всё время операции и несколько сотен сотрудников КГБ СССР и МВД СССР (Кривошеев 2010: 562–566).

Пристрастный подход проявился и в разделе, посвящённом политике. Перечисляя семь действовавших в Афганистане группировок, авторы ни разу не использовали характеристику «исламисты». Этническое происхождение участников группировок проигнорировано, указаны только районы их активности. Обширной положительной характеристики удостоился Фронт национального спасения, который якобы представлял собой «наиболее многочис-

⁵³ Ibid. S. 39.

⁵⁴ Ibid. S. 37.

⁵⁵ Ibid. S. 49.

⁵⁶ Ляховский А.А. 1995. *Трагедия и долблесть Афгана*. Москва; Gabelić A. 1970. *Strategija Vijetnamskog rata*. Beograd.

⁵⁷ *Rat u Vijetnamu*. 1975. Beograd.

⁵⁸ *Vojna intervencija*. S. 54.

ленную и известную группу сопротивления либерально-социалистической ориентации»⁵⁹. На самом деле Фронт в 1978 г. основали «ревностные мусульмане» во главе с М. Себгатуллой. На пике своего развития это исламистско-фундаменталистское движение насчитывало около 6 000 бойцов. Руководство НФСА, штаб которого находился в Пешаваре, поддерживало тесные связи с Саудовской Аравией, США, Пакистаном и организацией «Братья-мусульмане». «Либерализм» Фронта проявлялся в лишь том, что его приверженцы не верили в немедленное построение исламистского общества, а планировали для начала восстановление общественного устройства, существовавшего в Афганистане до Дауда. Уместно напомнить, что семь ведущих повстанческих движений в рамках операции ЦРУ «Циклон» в конце 1981 г. объединились в «Исламский союз моджахедов Афганистана» (Riedel 2014).

С большим сочувствием авторы описали получившие широкое распространение в военно-политических доктринах СФРЮ⁶⁰ невооружённые формы сопротивления населения, которые будто бы приобрели в Афганистане «разнообразный и массовый» характер. Подчёркивалась успешность забастовок, демонстраций, отказа от сотрудничества и предоставления помощи. При этом внимание авторов к мирным средствам сопротивления сочеталось с несообразным преувеличением числа жертв – «мирных протестующих», убитых «советскими оккупантами». Например, количество погибших в ходе Кабульского восстания оценивалось в 300 человек, а раненых – в 1000⁶¹. На самом деле восстание 22–23 февраля 1980 г. началось с того, что провокаторы-исламисты застрелили младшего лейтенанта ВДВ, ранив несколько находившихся рядом с ним солдат-афганцев. Обстрелу подверглось и советское посольство. Имела место намеренная провокация, о чём говорит хотя бы тот факт, что «спонтанное восстание» произошло в День советской армии. Советские войска не участвовали в подавлении мятежа, а блокировали въезды в город, дабы помешать отрядам исламистов прийти на помощь повстанцам. Через двое суток с ними было покончено. После падения НДПА и прихода к власти «Талибана» этот день был провозглашён праздником – Днём начала джихада. По официальным данным нового режима, в восстании погибли 15 человек⁶².

Югославские авторы почти не писали о горных опорных пунктах исламистов – например, о знаменитом горном районе Тора-Бора на афгано-пакистанской границе⁶³, который советским и афганским войскам несколько раз прихо-

⁵⁹ Ibid. S. 54.

⁶⁰ Tanasković R. 1977. *Uvod u teoriju operacije opštenarodnog odbrambenog rata*. Beograd; Mišević M. 1986. *Neoružani oblici otpora u opštenarodnom odbrambenom ratu*. Beograd.

⁶¹ *Vojna intervencija*. S. 54.

⁶² Грешнов А. Афганский парламент почтил память жертв восстания 1980 года в Кабуле. <https://ria.ru/20090222/162832515.html> (дата обращения: 13.12.2022).

⁶³ Герасименко В.Д. 2012. *Тора-Бора. Первый заход*. Киев http://artofwar.ru/a/ablazow_walerij_iwanowich/text_a129.shtml (дата обращения: 13.12.2022).

дилось брать штурмом (в октябре-ноябре 1980 г. и июне 1981 г.). Сведения об этом опорном пункте имели важное тактическое значение и, вероятно, поэтому не встречались в источниках западного происхождения, которыми располагали югославские аналитики. Это предположение кажется тем более верным, если вспомнить, какое значение в оборонительных планах ЮНА придавалось многочисленным бункерам, разбросанным по труднодоступным горным районам. Аналогичным образом детальное описание маловажной «забастовки лавок и магазинов в Кабуле в знак протеста против советского присутствия» соседствует со скудной характеристикой средств повстанческого ПВО, которые, по словам авторов, сводились «к ручному стрелковому оружию и четырём зенитным орудиям»⁶⁴. И это не случайно: в ходе Афганской войны СССР взял на вооружение концепцию «штурмовой вертолёт – летающая БМП», превратив ПВО в исключительно актуальную проблему для своих противников. С самого начала противостояния мятежники получали китайские версии крупнокалиберного пулемёта ДШК (Туре-54) 12,7-мм и автоматических пушек ЗПУ-1/ЗГУ-1 (Туре-58/75-1/80). В указанный период большая часть вертолётов была сбита огнём китайских клонов ДШК, однако с 1980 г. начались поставки китайских (НН-5) и египетских (Айн-аль-Сакр) копий ПЗРК Стрела-2, которые также стали успешно применяться. Это направление помощи повстанцам продемонстрировало свою эффективность, поэтому в 1983 г. в Афганистан поступили британские ПЗРК Blowpipe и американские FIM-43 Redeye, а в 1985 г. – FIM-92 Stinger⁶⁵. Таким образом, речь шла о малоизученной, но более чем актуальной для югославской стороны проблеме. В «Наставлении о партизанских действиях» (1981) очень скудно говорится о борьбе с воздушными целями, средствах ПВО и расположении зенитно-ракетных частей⁶⁶. Афганистан ясно продемонстрировал, что готовность партизанских формирований к борьбе с авиацией противника имеет огромное значение для современной партизанской войны. Предположим, что именно по этой причине информация о тактике и средствах ПВО, использовавшихся отрядами исламистов, отсутствовала в источниках, доступных авторам рассматриваемого материала. В целом действия повстанческих формирований описаны весьма лаконично – не упоминаются способы применения минно-взрывных средств, гранатомётов, средств связи, а также тактических приёмов ведения партизанской войны в горных условиях.

В описании действий движения сопротивления отсутствуют упоминания о новшествах, нет попыток сопоставить происходившее с партизанскими войнами в других регионах и иных природных условиях (прежде всего, в Индокитае)⁶⁷.

⁶⁴ *Vojna intervencija*. S. 61.

⁶⁵ Марковский В.Ю. 2011. *Выжженное небо Афгана. Боевая авиация в Афганской войне*. Москва.

⁶⁶ *Uputstvo o partizanskim dejstvima*. Beograd: 1981.

⁶⁷ *Rat u Vijetnamu*. Beograd: 1975.

Возможно, дело не только в отсутствии у авторов необходимых источников, но и в осознанном следовании ими политической целесообразности, в жертву которой приносились научные и прикладные качества работы. В чём состояла эта целесообразность, можно судить по тому обстоятельству, что США отрицали поставку американского оружия афганским повстанцам вплоть до захвата советскими войсками Стингера и сопроводительной документации в январе 1987 г.

Главу, в которой излагается отношение ООН, НАТО, США, Китая, стран-членов Движения неприсоединения и СФРЮ к вводу советских войск в Афганистан, можно назвать исчерпывающей, но не всесторонней. И в этом случае информативность секретного материала принесена в жертву пропаганде. Ничего не сказано о позиции Индии, государств Варшавского Договора и части неприсоединившихся стран, вставших на сторону СССР и ДР Афганистан. О различных взглядах по афганской проблеме не сказано ни через осуждение, ни через выражение сомнений в искренности тех или иных заявлений. При упоминании 104 стран, осудивших ввод войск в 1981 г., не оговаривалось, что всего государств-членов ООН в тот период было 157. Таким образом, факты не просто не излагались во всей их полноте (пусть с осуждением или критикой), а замалчивались в целях усиления пропагандистского эффекта материала.

Особый интерес представляет заключительная глава с прогнозом развития ситуации в Афганистане и выводами. Ожидалось, что Афганистан превратится в проблемную зону стратегической важности, где Советскому Союзу придётся поддерживать своё присутствие, и стабилизация невозможна. В тот момент трудно было дать иной прогноз. Афганская война действительно превратилась в постоянную внешнеполитическую проблему СССР, решения которой даже не предвиделось. А уход СССР выглядел бы как поражение, что представлялось невыносимым для успешной сверхдержавы.

Выводы

Ещё до ввода войск в Афганистан советское военное командование, в отличие от верхушки КГБ, давало негативный прогноз последствий этим действиям. Анализ военной экспертизы ЮНА уроков Афганской войны говорит о примате повседневных политических (и даже пропагандистских) потребностей и интересов над принципами военной науки. Несмотря на наличие богатого материала для типологических наблюдений, югославские аналитики не обратили внимания на новые тактические приёмы и на применение нового оружия, проигнорировали особенности антипартизанской борьбы в горной местности. Их прогнозы были лишены оригинальности. Спустя десять лет офицерам, прочитавшим описанный нами материал, самим довелось вступить в схватку с моджахедами, за что они также оказались под огнём критики западных держав, испытав на себе презрение части международной и сербской общественности. Военные аналитики ЮНА не упоминали о роли исламского фундаментализма в

вооружённом противостоянии. Ещё не произошли события, благодаря которым это понятие вошло в общественный дискурс Западных Балкан. У югославских экспертов понимание этой проблематики начало зарождаться лишь в середине 1980-х гг. Только позднее бывшим республикам СФРЮ пригодится афганский опыт антипартизанской борьбы, а некоторым народам распадавшейся Югославии самим придётся принять участие в операциях против афганских повстанцев. Лишь спустя десятилетия после описываемых событий очередь дошла и до анализа бывшими гражданами Югославии попыток модернизации Афганистана, имевших место в прошлом. К этому побуждал поиск ответа на вопрос, почему многонациональное экономически более мощное общество терпит неудачу в борьбе с уверенными в своих силах горными племенами, которым нечего терять, кроме собственной жизни (Sudar 2021: 17–23).

В начале 80-х гг. прошлого века югославская военная наука не обладала такой прозорливостью и не могла предугадать эти проблемы, наблюдая за сражениями на далеких горных перевалах Афганистана. Преобладание политической целесообразности над военной наукой приводило к тому, что выкладки аналитиков Генерального штаба не сумели подняться над уровнем политической пропаганды и поэтому не смогли помочь руководству страны увидеть заранее проблемы, с которыми Белград вскоре столкнулся уже на своей территории.

Об авторе:

Алексей Юрьевич Тимофеев – доктор исторических наук, профессор, научный советник. Институт новейшей истории Сербии; кафедра новейшей истории, Отделение истории, Философский факультет Белградского университета. Сербия, 11000, г. Белград, Ул. Чика-Льубина, д. 18-20. E-mail: atimofej@f.bg.ac.rs

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 94(497.1)+327.54
Received: December 16, 2022
Accepted: February 20, 2023

Lessons Learned by Yugoslav Military Experts from the Soviet Invasion of Afghanistan 1979-1981.

A.Y. Timofeev
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-153-176](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-1-88-153-176)

University of Belgrade, Institute of Recent History of Serbia

Abstract: The article analyzes the attitude of Yugoslav military analysts to the deployment of the Soviet troops in Afghanistan in 1979–1981. Afghanistan was not among diplomatic, or military priorities for Yugoslavia. After the coup in Afghanistan on April 27, 1978, relations between the two countries, previously rather formal, deteriorated, as Kabul started to move away from the non-alignment movement taking a pro-Soviet orientation. Yugoslavia saw Afghanistan as a non-aligned country and was extremely concerned about the Soviet interference in the internal affairs of a sovereign state. This political assessment heavily influenced the views of Yugoslav military expert, resulting into some distorted conclusions and numerous overlooked lessons. This testifies to the primacy of everyday political (and even propaganda) needs over military science in Yugoslavia. They believed that Afghanistan would turn into a permanent problem for the USSR. Despite the rich empirical material, Yugoslav analysts did not see any novelty in tactics and the use of new weapons in mountainous areas. They neglected to analyze the tactics of anti-partisan actions in the highlands; their predictions were not original; they ignored the presence of militant fundamentalism as a factor in the conduct of hostilities.

Keywords: USSR-SFRY relations, military diplomacy, counterinsurgency operations, partisan actions

About the author:

Aleksey Y. Timofeev – Doctor of Sciences in History, Professor, Principal Research Fellow. Institute of Recent History of Serbia; Subdepartment of Contemporary History, Department of History, Faculty of Philosophy, University of Belgrade. Serbia, 11000, Belgrade, st. Chika-Lubina, 18-20. E-mail: atimofej@f.bg.ac.rs

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Adelson R. 1995. *London and the Invention of the Middle East: Money, Power, and War, 1902-1922*. New Haven: Yale University Press. 256 p.
- Barfield Th. 2010. *Afghanistan: A Cultural and Political History, Princeton Studies in Muslim Politics*. Princeton: Princeton University Press. 400 p.

Brechtfeld J. 1996. *Mitteleuropa and German Politics: 1848 to the Present*. Basingstoke: Macmillan Press. 195 p.

Etschmann W. 2003. *Guerillakriege. Ursachen-Verläufe-Folgen*. Wien: Verlag AV. 384 p.

Glantz D.M. 1984. *The Soviet Airborne Experience*. Fort Leavenworth: Combat Studies Institute. 232 p.

Grau L.W. 1996. *The Bear Went Over the Mountain: Soviet Combat Tactics in Afghanistan*. Washington: National Defense University Press. 216 p.

Grau L.W. Gress M.A. 2002. *The Soviet-Afghan War: How a Superpower Fought and Lost*. Lawrence: University Press of Kansas. 364 p.

Jalali A., Grau L.W. 1995. *The Other Side of the Mountain: Mujahideen Tactics in the Soviet-Afghan War*. Fort Leavenworth: Foreign Military Studies Office. 429 p.

Mikac R. 2008. *Afganistan: nikad završen sukob*. Zagreb: Naklada Jesenski i Turk. 271 s. (In Croatian)

Nourzhanov K. 2015. Bandits, Warlords, National Heroes: Interpretations of the Basmachi Movement in Tajikistan. *Central Asian Survey*. 34(2). P. 177-189.

Petrovic J. (ed.) 2016. *Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas*. Cham: Palgrave Macmillan. 425 p.

Riedel B. 2014. *What We Won: America's Secret War in Afghanistan. 1979-1989*. Washington: Brookings Institution Press. 189 p.

Schmider K. 2002. *Partisanenkrieg in Jugoslawien 1941-1944*. Hamburg: E. S. Mittler & Sohn GmbH. 589 s.

Statiev A. 2010. *The Soviet Counterinsurgency in the Western Borderlands*. Cambridge: Cambridge university press. 368 p.

Jakovina T. 2011. *Treća strana Hladnog rata*. Zaprešić: Fraktura. 784 s. (In Croatian)

Panajotović Z. 1989. *Bibliografija o narodnooslobodilačkom ratu i socijalističkoj revoluciji Srbije 1941-1944. godine: knjige, brošure i članci 1944-1985*. [Bibliography on the National Liberation War and the Socialist Revolution of Serbia 1941-1944. Years: Books, Brochures and Articles 1944-1985.] Beograd. (In Serbian)

Petrović N.Ž. 2016. *Vojna saradnja Jugoslavije sa Sovjetskim Savezom 1953-1964. godine: pogled iz Beograda* [Military cooperation of Yugoslavia with the Soviet Union 1953-1964: view from Belgrade] Beograd: Medija centar Odbrana. 259 s. (In Serbian)

Smolović P. 1974. *Teritorijalna odbrana: anotirana bibliografija*. [Territorial Defense: an Annotated Bibliography.] Beograd. (In Serbian)

Strugar V. 1962. *Rat i revolucija naroda Jugoslavije, 1941-1945*. [War and Revolution of the people of Yugoslavia, 1941-1945.] Beograd: Vojnoistorijski Institut. (In Serbian)

Sudar V. 2021. Djelovanje Europske unije u Afganistanu. [Action of the European Union in Afghanistan.] *Političke analize: tromjesečnik za hrvatsku i međunarodnu politiku*. 39. S. 17-23. (In Croatian)

Timofeev A. 2012. Tito po drugi put među... Rusima [Tito for the Second Time among... Russians]. *Istorija 20. veka*. № 1. P. 99-108. (In Serbian)

Timofeev A., Živanović M. 2018. *Udžbenik za Tita: Kominternu i pripreme partizanskog rata u Evropi*. [Textbook for Tito: The Comintern and Preparations for the Partisan War in Europe]. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije. 527 p. (In Serbian)

Životić A. 2022. Strah ili realnost? Mogućnost sovjetske vojne intervencije u Jugoslaviji 1948-1953 [Fear or Reality? The Possibility of Soviet Military Intervention in Yugoslavia 1948-1953]. *Istorija 20. veka*. № 1. P. 107-128 (In Serbian)

Aminulla. 1992. *Ekonomicheskaya otsenka proyektnykh resheniy razvitiya neftegazovogo kompleksa Afganistana. Kandidatskaya dissertatsiya*. [Economic Evaluation of Design Solutions for the Development of the Oil and Gas Complex of Afghanistan. PhD thesis.] Moskva: Akademiya nefti i gaza im. I. M. Gubkina. 155 p. (In Russian)

Kostyrya A. A. 2009. *Istoriografiya, istochnikovedenie, bibliografiya specoperacii SSSR v Afganistane (1979–1989 gg.)* [Historiography, Sources, Bibliography of the USSR Special Operation in Afghanistan (1979–1989)]. Doneck: Promin. 596 s. (In Russian)

Kozlov S.V. 2013. *Spetsnaz GRU: Ocherki istorii. V 5 knigakh. Kniga 3. Afganistan — zvezdnyy chas spetsnaza 1979–1989. Istoricheskaya entsiklopediya*. [Spetsnaz GRU: Essays on History. In 5 books. Book 3. Afghanistan – the Finest Hour of Special Forces 1979–1989. Historical Encyclopedia.] Moskva: Russkaya panorama. 736 p. (In Russian)

Krivosheev G.F. (ed.) 2010. *Rossia i SSSR v voynakh XX veka. Kniga poter'* [Russia and the USSR in the Wars of the 20th century. Book of Losses] Moscow: Veche. 607 s. (In Russian)

Shit'ko V.V. 2007. *Voyska OGPU-NKVD v lokal'nykh voynakh i konfliktakh. Kandidatskaya dissertatsiya*. [Troops of the OGPU-NKVD in Local Wars and Conflicts. PhD thesis.] Moscow: Voyenny universitet. 242 s. (In Russian)

Vasif El-Yusef. 1993. *Mestorozhdeniya tyazholykh neftey Sirii, osobennosti ikh stroyeniya i osvoyeniya. Kandidatskaya dissertatsiya*. [Deposits of Heavy Oils in Syria, Features of Their Structure and Development. PhD thesis.] Moscow: Institut geologii RAN. 200 p. (In Russian)

Vishnyakov Ya.V. 2012. *Voennyj faktor i gosudarstvennoe razvitie Serbii nachala XX veka*. [Military Factor and State Development of Serbia at the Beginning of the 20th century]. Moscow: MGIMO - Universitet, 2012. 440 p. (In Russian)

Zevelev A.I., Poliakov Iu.A., Chugunov A.I. 1981. *Basmachestvo: vzniknovenie, sushchnost', krakh* [Basmachism: Emergence, Essence, Collapse.] Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva Nauka. 134 s. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Аминулла. 1992. *Экономическая оценка проектных решений развития нефтегазового комплекса Афганистана. Кандидатская диссертация*. Москва: Академия нефти и газа им. И.М. Губкина. 155 с.

Васиф Эль-Юсеф. 1993. *Месторождения тяжёлых нефтей Сирии, особенности их строения и освоения. Кандидатская диссертация*. Москва: Институт геологии РАН. 200 с.

Вишняков Я.В. 2012. *Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века*. Москва: МГИМО - Университет. 440 с.

Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. 1981. *Басмачество: возникновение, сущность, крах*. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства Наука. 134 с.

Козлов С.В. 2013. *Спецназ ГРУ: Очерки истории. В 5 книгах. Книга 3. Афганистан — звездный час спецназа 1979—1989. Историческая энциклопедия*. Москва: Русская панорама. 736 с.

Костыря А.А. 2009. *Историография, источниковедение, библиография спецоперации СССР в Афганистане (1979 – 1989 гг.)*. Донецк: Проминь. 596 с.

Кривошеев Г.Ф. 2010. (отв. ред.) *Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь*. Москва: Вече. 271 с.

Шитько В.В. 2007. *Войска ОГПУ-НКВД в локальных войнах и конфликтах. Кандидатская диссертация*. Москва: Военный университет. 242 с.

Список литературы на сербском языке:

Животић А. 2022. Страх или реалност? Могућност совјетске војне интервенције у Југославији 1948–1953. *Историја 20. века*. С. 107-128.

Петровић Н.Ж. 2016. *Војна сарадња Југославије са Совјетским Савезом 1953-1964. године: поглед из Београда*. Београд: Медија центар Одбрана. 259 с.

Тимофејев А. 2012. Тито по други пут међу... Русима. *Историја 20. века*. № 1. С. 99-108.

Тимофејев А., Живановић М. 2018. *Уџбеник за Тита: Коминтерна и припреме партизанског рата у Европи*. Београд: Институт за новију историју Србије. 527 с.